

Нет автора

Русская старина

1890. 10_12

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русская старина: 1890. 10_12 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 932 с.

ISBN 978-5-458-02815-8

ISBN 978-5-458-02815-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ситься въ отставку. Излагая причины, побудившія его къ этой просьбѣ, дѣдъ повергалъ на милостивое благоусмотрѣніе императора Павла Петровича—которому изъ братьевъ дать отставку; но, какъ извѣстно, и такую просьбу было не совсѣмъ безопасно подавать императору Павлу I, и за нее можно было подвергнуться ссылкѣ въ отдаленную губернію и на неопредѣленный срокъ.

Наконецъ, дѣдъ былъ успокоенъ полученіемъ отставки, за которую онъ благодарилъ государя и просилъ дозволенія представиться лично въ Гатчину, для принесенія благодарности. На эту просьбу послѣдовала официальная бумага слѣдующаго содержанія, которая хранится у насъ:

Гатчино, сентября 23 дня 1797 г.

„Государь императоръ соизволилъ указать объявить вашему превосходительству, что онъ, принимая благодарность вашу, избавляетъ васъ отъ труда прѣбывать въ Гатчино. Генераль-адъютантъ Ростопчинъ“.

При этомъ находится на имя дѣда подорожная, которая обратила мое вниманіе только потому, что она подѣлана наслѣдникомъ престола Александромъ, а внизу подписалъ „генераль-майоръ государственной военной коллегіи членъ, с.-петербургскій комендантъ и кавалеръ, князь Долгорукой, 10 февраля 1798 г.“, т. е. четыре мѣсяца послѣ полученія дѣдомъ отставки.

По преданію нашей семьи, императоръ Павелъ, разсердясь на моего дѣда за его просьбу объ отставкѣ, выслалъ его изъ Петербурга.

Въ царствованіе императора Александра I, дворянство дышало свободнѣе, но вскорѣ явился Аракчеевъ, гонитель многихъ честныхъ личностей, и между прочимъ Тучковыхъ. По его проискамъ, ихъ постоянно обходили производствомъ и наградами, не смотря на то, что въ 1812 г. двое изъ братьевъ дѣда обогрели своею кровью Бородинское поле, защищая отечество. Упомянувъ о 1812 годѣ, скажу встать, что отецъ передавалъ мнѣ не разъ, какъ онъ съ младшимъ братомъ игралъ съ ружьями, брошенными солдатами-французами въ полѣ, близъ сада. Они жили въ деревнѣ, не далеко отъ смоленской дороги, когда проводили плѣнныхъ, которые кричали: „du pain, du pain“; тогда бабушка

выходила имъ на встрѣчу съ дѣтьми и одѣляла ихъ хлѣбомъ, даже бѣлымъ, нарочно испеченнымъ для подаенія плѣннымъ.

Дѣдъ былъ чисто русская, широкая натура; онъ былъ богатъ не столько по наслѣдству, сколько по счастливой игрѣ въ карты, къ которымъ питалъ большую страсть — это былъ единственный его недостатокъ. Онъ былъ страстный поклонникъ и знатокъ живописи и архитектуры; къ послѣдней имѣлъ даже истинное призваніе; въ своихъ деревняхъ и въ подмосковномъ имѣніи онъ строилъ дома, оранжереи, разбивалъ великолѣпные сады, на которые прїѣзжали любоваться знакомые; но когда все было доведено до возможнаго совершенства, онъ скучалъ и начиналъ мечтать о новой артистической работѣ, и нерѣдко продавалъ устроенное имѣніе въ убытокъ, покупалъ новое и съ жаромъ принимался за его устройство. Садовникъ дѣда, нѣмецъ Андрей Ивановичъ Гохъ, очень жалѣлъ великолѣпные сады и, покачивая головою, принимался разбивать новыя; онъ всею душою былъ преданъ дѣду.

Въ Москвѣ, дѣдъ Алексѣй Алексѣевичъ также перестраивалъ свои дома до основанія, оставляя однѣ капитальныя стѣны. Въ домѣ, купленномъ у кн. Потемкина, онъ устроилъ для картинной галлерей, которую имѣлъ уже нѣсколько лѣтъ, освѣщеніе сверху, которымъ всѣ знакомые восхищались; его картинная галлерей, замѣчательная для того времени, заключала нѣсколько цѣнныхъ оригиналовъ итальянской и фламандской школы, и много хорошихъ копій съ картинъ этихъ двухъ школъ.

Въ домѣ дѣда жили постоянно разныя постороннія лица: друзья, товарищи его по военной службѣ, даже просто знакомые, находившіеся въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ; преслѣдуемый властями, полковникъ Татариновъ прожилъ у дѣда десятки лѣтъ; о немъ сохранилась у насъ официальная бумага, свидѣтельствующая объ участіи къ нему дѣда.

Февраля 4-го дня 1803 года.

„Милостивый государь мой Алексѣй Алексѣевичъ! говорится въ этой бумагѣ,—по письму вашего превосходительства, объ отставномъ полковникѣ Татариновѣ, я имѣлъ счастье докладывать государю императору. Его величество высочайше повелѣть соизволилъ: Татаринovu назначить мѣсто для житья въ которомъ-нибудь изъ уѣздныхъ городовъ Московской губерніи.

„Сообщивъ о сей монаршей волѣ, для исполненія, г. московскому военному губернатору, честь имѣю васъ, милостивый государь мой, объ оной увѣдомить. Пребываю съ истиннымъ почтеніемъ, м. г. мой, вашего превосходительства, покорнѣйшій слуга князь Лопухинъ“.

Генераль-маіоръ Торкель прожилъ у дѣда 30 лѣтъ, и послѣ разоренія Тучковыхъ переѣхалъ съ ними въ Яхонтово, гдѣ я помню его съ дѣтства и гдѣ онъ скончался въ 1839 году.

Дѣтей своихъ дѣдъ воспитывалъ, по тому времени, замѣчательно; сначала у нихъ были всевозможные учителя, потомъ сыновья его учились въ школѣ колонновожатыхъ старика Муравьева, котораго молодежь чрезвычайно любила и уважала. Это было замѣчательное и лучшее въ то время учебное заведеніе, въ которомъ отецъ мой не только усвоилъ знаніе высшей математики, но и развилъ преподавательскій талантъ, который впоследствии былъ ему очень полезенъ для насъ и для его школы крестьянскихъ дѣтей. Окончивъ курсъ въ школѣ, отецъ мой вступилъ въ московскій университетъ, а впоследствии поступилъ на службу въ генеральный штабъ, не разъ былъ посылаемъ на съемки и проч., былъ произведенъ въ поручики, и въ этомъ чинѣ остался до конца жизни. Пылкій и самостоятельный характеръ отца былъ непригоденъ для военной службы; не разъ у него случались неприятели съ начальствомъ, обращавшимся съ подчиненными подчасъ довольно грубо. Такъ, на примѣръ, однажды, посланный куда-то по казенной надобности, отецъ мой, тоже Алексѣй Алексѣевичъ Тучковъ, стоялъ на крыльцѣ станціоннаго дома, когда подѣхала вибитка, въ которой сидѣлъ генераль (впоследствии узнали, что это былъ генераль Нейдгардтъ).

Онъ сталъ звать пальцемъ отца моего.

„Эй, ты, поди сюда!“ кричалъ генераль.

— „Самъ подойди, коли тебѣ надо“, отвѣчалъ отецъ, не двигаясь съ мѣста.

„Однако, кто ты?“ спрашиваетъ сердито генераль.

— „Офицеръ, посланный по казенной надобности“, отвѣчалъ ему отецъ.

„А ты не видишь, кто я?“ вскричалъ генераль.

— „Вижу, отвѣчалъ отецъ,—человѣкъ дурнаго воспитанія“.

„Какъ вы смѣете такъ дерзко говорить? Ваше имя?“ кипятился Нейдгардтъ.

— „Генеральнаго штаба поручикъ Тучковъ, чтобы ты не думалъ, что я скрываю“, отвѣчалъ отецъ.

Эта неприятная исторія могла-бы кончиться очень нехорошо, но, къ счастью, Нейдгардтъ былъ хорошо знакомъ со стариками

Тучковыми, потому и промолчалъ, — едва-ли потому, что самъ былъ виноватъ.

Младшій сынъ дѣда, Павелъ Алексѣевичъ, не былъ въ университетѣ, онъ предпочелъ военную службу и четырнадцати лѣтъ былъ произведенъ въ офицеры.

Что особенно замѣчательно для того времени, дѣдъ также ничего не жалѣлъ для образованія своихъ дочерей; профессоръ И. И. Давыдовъ, между прочими учителями, преподавалъ тетѣ Маріи Алексѣевнѣ исторію и словесность, знаменитый живописецъ Куртель давалъ ей уроки рисованія и живописи; она стала хорошею портретисткою, превосходно копировала картины, и своими копіями много утѣшала дѣда послѣ его разоренія и продажи его картинной галлерей. Я особенно помню двѣ великолѣпныя копіи: четыре евангелиста и картина съ многими фигурами и съ слѣпымъ Товіемъ. Кажется, эти картины и теперь существуютъ у моего троюроднаго брата, сенатора А. И. Деспотъ-Зеновича.

Вторая дочь дѣда, Анна Алексѣевна, была замѣчательная пианистка; ученица знаменитаго Фильда, она въ совершенствѣ усвоила его мягкую, плавную и выразительную игру. Третья дочь его, Елисавета Алексѣевна, очень умная и замѣчательно красивая, вышла замужъ шестнадцати лѣтъ, въ тотъ самый годъ (1823 г.), когда отецъ мой женился въ Оренбургѣ, на дочери генераль-лейтенанта Аполлона Степановича Жемчужникова, Наталіи Аполлоновнѣ.

Аполлонъ Степановичъ Жемчужниковъ былъ очень добрый и въ высшей степени честный человекъ; онъ былъ женатъ на Аннѣ Ивановнѣ Типольдѣ, имѣлъ многочисленную семью, состоявшую изъ девяти человекъ дѣтей, кромѣ того, у него жила мать и тетя его жены; средства его были ограниченныя, — онъ жилъ однимъ жалованьемъ.

Когда онъ былъ назначенъ начальникомъ дивизіи въ Оренбургъ, у вѣзда въ городъ онъ былъ встрѣченъ командиромъ полка, стоявшаго тогда въ Оренбургѣ. Полковникъ подалъ ему рапортъ о состояніи полка, а въ рапортъ было вложено десять тысячъ. Аполлонъ Степановичъ развернулъ бумагу, гнѣвно раскидалъ деньги и сказалъ полковнику:

— „На первый разъ я васъ прощаю, но если это повторится, безъ пощады отдамъ васъ подъ военный судъ“.

Полковникъ, въ большомъ удивленіи, пробормоталъ испуганно извиненіе, говоря:

— „Такъ всегда встрѣчали новаго начальника“.

Мой отецъ учился у Муравьева со старшими братьями моей матери и былъ очень друженъ съ ними; навѣстивъ ихъ однажды въ Оренбургѣ, онъ увидѣлъ мою мать и просилъ ея руки. Бабушка, Каролина Ивановна, нашла, что отецъ слишкомъ молодъ, чтобы жениться; его послали на годъ за границу, но по возвращеніи отецъ не измѣнилъ своего намѣренія и женился на Натальѣ Аполловнѣ Жемчужниковой.

Въ это время дѣла дѣда разстроились: фортуна, какъ говорили тогда, такъ долго улыбавшаяся ему, вдругъ измѣнила,—онъ сталъ проигрывать, проигрывать постоянно, и для уплаты картонныхъ долговъ былъ вынужденъ продавать за безцѣнокъ богато устроенныя имѣнія и московскіе дома; одинъ изъ его домовъ былъ проданъ Головкину, а впоследствии перепроданъ имъ кому-то изъ царской фамиліи, потому что когда намъ показывали этотъ великолѣпный домъ, онъ носилъ названіе „Михайловскаго дворца“, на дворѣ его стояла будка и ходилъ взадъ и впередъ часовой, что насъ, жительницъ деревни, очень поразило.

У дѣда осталось только четыре имѣнія: Сукманово, въ Тульской губ., Фурово—во Владимірской, Ведянцы—въ Симбирской, подаренныя Екатериною II моему прадѣду Алексѣю Васильевичу Тучкову, и отдаленное Яхотово въ Пензенской губерніи; но до отъѣзда семьи въ добровольную ссылку, во время междуцарствія и воцаренія Николая Павловича, наступило 14 декабря. Отецъ мой и женатый продолжалъ жить въ домѣ отца своего, въ Москвѣ, гдѣ и былъ арестованъ и увезенъ въ Петербургъ.

По привозѣ въ столицу, онъ былъ доставленъ прямо въ Зимній дворецъ; его допрашивали въ залѣ, около кабинета императора. Отецъ мой принадлежалъ къ „союзу благоденствія“, былъ друженъ со многими изъ членовъ Сѣвернаго общества и съ нѣкоторыми изъ Южнаго; особенно друженъ онъ былъ съ Иваномъ Пуцинымъ, съ А. Бестужевымъ, Евгениемъ Оболенскимъ, съ братьями Муравьевыми-Апостолами и др. Михайлъ Михайловичъ Нарышкинъ былъ его другъ и вмѣстѣ съ тѣмъ братъ его тетки, Маргариты Михайловны Тучковой, впоследствии бородинской игуменьи. Послѣ допроса, отецъ сказалъ громко:

— „Si vous voulez me mener à la forteresse, vous devrez m'y traîner de force, car je ne marcherai jamais de bon gré“¹⁾.

Государь спросилъ что это за шумъ; узнавъ въ чемъ дѣло, онъ приказалъ содержать отца въ генеральномъ штабѣ, гдѣ онъ просидѣлъ три или четыре мѣсяца. Такъ какъ его не было въ Петербургѣ во время вооруженнаго возмущенія, то противъ него не нашлось никакихъ важныхъ уликъ. Я спрашивала отца, почему онъ такъ возставалъ противъ заключенія въ крѣпости.

— „Я боялся за твою мать, отвѣчалъ онъ,—боялся, что эта вѣсть дойдетъ до моей семьи... тогда ожидали рожденія твоей старшей сестры“.

Дѣйствительно, во время заключенія отца, родилась, въ 1825 г., старшая сестра моя, Анна Алексѣевна, въ Москвѣ, въ домѣ, нанятомъ дѣдомъ для всей семьи,—своихъ домовъ у него тогда уже не было.

Послѣ возвращенія изъ Петербурга, отецъ вышелъ въ отставку, и вскорѣ вся семья наша переехала на жительство въ село Яхонтово, Пензенской губ., въ маленькій домикъ, крытый соломою, въ которомъ жила прежде приказчица; изъ Москвы перевезли немного мебели, нѣкоторыя сокровища, остатки прежняго величія, множество книгъ съ литографіями картинъ разныхъ галлерей, съ изображеніями разныхъ породъ птицъ и пр.; всѣ эти дорогія изданія хранились въ шкапахъ, на которыхъ были разставлены бюсты разныхъ греческихъ боговъ и богинь; впоследствии старшая сестра рисовала съ нихъ карандашемъ и тушью. У каждаго изъ членовъ семьи было по комнатѣ, и то небольшой, за исключеніемъ тети Марьи Алексѣевны, у которой была маленькая спальня и большая комната, называемая класною, въ которой висѣли ея работы масляными красками, гдѣ она занималась живописью и учила мою сестру. Въ гостиной стоялъ рояль тети Анны Алексѣевны; она играла, какъ я уже говорила, очень хорошо, но, къ сожалѣнію, только по вечерамъ; бывало, няня, Оекла Егоровна, торопитъ насъ идти спать, а намъ не хочется: мы видимъ, какъ зажигаютъ на роялѣ восковыя свѣчи, значить, тетя будетъ играть, и начнется у насъ долгій

---

¹⁾ Переводъ. „Если вы хотите отвести меня въ крѣпость, то вамъ придется стащить меня силою, такъ какъ добровольно я ни за что не пойду“.

торгъ съ Феклою Егоровною, канчавшійся обыкновенно тѣмъ, что няня согласится оставить дверь въ нашу комнату приотворенною, чтобы мы могли слушать музыку въ постели; мы бѣжимъ спать счастливыя, но утомленныя бѣготнею, и, разумѣется, тотчасъ засыпаемъ...

Осенью дѣдъ нашъ съ теткою Анною Алексѣвною возвращались въ Москву; оба они не могли привыкнуть къ деревенской жизни; особенно невозможнымъ имъ казалось проводить въ деревнѣ зиму.

II.

Друзья отца. — Г. А. Римскій-Корсаковъ. — Мон Верос генерала К. К. Торкеля. — День ангела бабушки. — Сосѣди. — Преосвященный Амвросій въ селѣ Яхонтовѣ. — Смерть бабушки и сестры. — Николай Платоновичъ Огаревъ. — Наша первая гувернантка. — Разладъ въ семьѣ Огаревыхъ.

Кажется, мнѣ было немногимъ болѣе года, когда однажды зимою вся семья наша сидѣла въ гостиной; кромѣ своихъ, тутъ былъ лучший другъ моего отца, Григорій Александровичъ Римскій-Корсаковъ. Нянюшка подносила меня прощаться къ каждому изъ присутствовавшихъ, а я, по-архіерейски, подносила руку къ ихъ губамъ; также подала я руку и Григорію Александровичу. Онъ покачалъ головою и сказалъ:

— „Это что? Я не хочу“.

Я прижалась къ нянѣ и горько заплакала; она поспѣшила удалиться со мною, но Григорій Александровичъ догналъ насъ и сказалъ:

— „Ну, дай ручку, я поцѣлую, не плачь“.

Но теперь уже я качала головою и показывала, что не хочу. Это мое первое воспоминаніе. Григорій Александровичъ всегда говорилъ:

— „J'aime quand les enfants pleurent, car on les emporte“ ¹⁾, но для меня онъ дѣлалъ исключеніе; между нами съ самаго ранняго дѣтства была какая-то симпатія; я его любила почти столько-же, какъ и отца.

¹⁾ Переводъ: „Я люблю, когда дѣти плачутъ, потому что ихъ тогда уносить“.

Мнѣ труднѣе говорить о Григорѣ Александровичѣ, нежели о всѣхъ выдающихся личностяхъ, съ которыми судьба сталкивала меня на жизненномъ пути, потому что онъ прошелъ незамѣтно, хотя по оригинальному складу ума, познаніямъ, необыкновенной энергіи и рѣдкой независимости характера онъ былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся людей. Современники удивлялись ему: Если-бы онъ родился на западѣ, то ему выпала-бы на долю одна изъ самыхъ выдающихся ролей въ общественной жизни, а у насъ въ то время не было мѣста такимъ личностямъ.

Григорій Александровичъ былъ старше моего отца; въ 1816 г. онъ былъ уже офицеромъ л.-гв. Семеновскаго полка, въ 1820 г. произведенъ въ полковники; мать выхлопотала ему отпускъ и онъ отправился въ 1823 г. путешествовать въ чужіе края и возвратился только въ 1826 г.; благодаря этой случайности, его не было въ Россіи во время возмущенія 14 декабря 1825 г.; имѣвъ друзей между декабристами, онъ могъ подвергнуться тяжелой участи, въ особенности по причинѣ его неукротимаго нрава.

Странно было явленіе такого независимаго человѣка именно въ Россіи въ ту эпоху. Онъ былъ большой оригиналъ и оригинально вышелъ въ отставку, по возвращеніи изъ чужихъ краевъ.

Корсаковъ однажды былъ приглашенъ, вмѣстѣ съ прочими гвардейскими офицерами, въ Зимній дворецъ на обѣдъ, данный государемъ Николаемъ Павловичемъ гвардейскимъ офицерамъ. Въ то время военные ужасно затягивались; послѣ обѣда, Корсаковъ имѣлъ привычку разстегивать одну пуговицу у мундира. Кн. Волконскій, бывший тогда министромъ двора, замѣтивъ это, подошелъ къ Корсакову и очень вѣжливо сказалъ ему по-французски:

— „Colonel, boutonnez-vous, je vous prie“ ¹⁾, и прошелъ далѣе, но Григорій Александровичъ оставилъ это замѣчаніе безъ всякаго вниманія. Обходя еще разъ сидѣвшихъ за столомъ офицеровъ, кн. Волконскій вторично напомнилъ Корсакову, что нельзя разстегиваться во дворцѣ. Онъ говорилъ по-французски, и Григорій Александровичъ отвѣчалъ ему съ раздраженіемъ на томъ-же языкѣ:

— „Voulez-vous, prince, que j'étouffe!“ ²⁾.

¹⁾ Переводъ: „Полковникъ, застегнитесь, пожалуйста“.

²⁾ „Вѣрно вы хотите, князь, чтобы я задохнулся“.

Съ этими словами онъ всталъ изъ-за стола и удалился тотчасъ изъ дворца. На другой день онъ подалъ въ отставку и оставилъ службу навсегда. Онъ услышалъ вскорѣ, что мой отецъ, тоже будучи въ отставкѣ, живетъ въ своемъ пензенскомъ имѣннн и занимается сельскимъ хозяйствомъ, имѣя свеклосахарный заводъ.

Въ пятнадцать верстахъ отъ Яхонтова находилось имѣнне Корсаковыхъ—Голицыно; оно досталось Григорію и Сергѣю Александровичамъ Римскимъ-Корсаковымъ по наслѣдству. Григорій Александровичъ поселился въ немъ въ началѣ 1830-хъ годовъ, завелъ также свеклосахарный заводъ, и управлялъ своимъ имѣннемъ до конца жизни. Григорій Александровичъ, какъ все образованное меньшинство общества того времени, былъ поклонникомъ Вольтера и энциклопедистовъ, читалъ все, что было замѣчательнаго на французскомъ языкѣ, и самъ имѣлъ богатую бібліотеку французскихъ книгъ. Не любя никому давать своихъ книгъ, онъ дѣлалъ для насъ исключеніе; когда мы подросли, онъ прислалъ m-He Michel каталогъ своей бібліотеки, въ которомъ она отмѣтила все, что было нужно для нашего образованія, и онъ прислалъ намъ цѣлый ящикъ съ книгами; черезъ годъ мы возвратили ихъ очень аккуратно; я помню, сколько мнѣ надѣлало хлопотъ маленькое чернильное пятно, сдѣланное мною на оберткѣ одного изъ томовъ „Mémoires d'Adriani“; наконецъ, мнѣ удалось найти подобный экземпляръ въ Москвѣ и я подмѣнила его, а возвратить Григорію Александровичу книгу съ чернильнымъ пятномъ не имѣла духа.

Изъ русскихъ писателей едва-ли Корсаковъ читалъ что-нибудь, кромѣ Пушкина и Гоголя; однако, въ бумагахъ моего отца мнѣ попалась коротенькая критика на „Свои люди—сочтемся“, писанная рукою Григорія Александровича (1850 г.). Умъ его былъ мѣткій, оригинальный, послѣдовательный, и вмѣстѣ съ тѣмъ блестящій; онъ былъ остроуменъ и находчивъ. Наружность его была некрасивая, но внушающая; въ аристократическихъ салонахъ Москвы его такъ-же боялись, какъ и въ нашихъ степныхъ гостинныхъ; станціонные смотрителя, ямщики, чиновники, даже губернаторъ—всѣ знали его и всѣ его боялись.

Корсаковъ казался холоднѣе ко всѣмъ, даже и къ моему отцу, хотя чрезвычайно любилъ его; по-русски они были на

ты, а по-французски говорили другъ другу вы, что я замѣтила вообще въ людяхъ того времени. Привязанность Григорія Александровича къ моему отцу обнаруживалась только тогда, когда отецъ серьезно занемогалъ; тогда Корсаковъ дѣлался его сидѣлкою, ходилъ и говорилъ тихо, съ озабоченнымъ видомъ, просиживалъ ночи у его постели; но какъ только ему становилось лучше, Корсаковъ принималъ опять холодный видъ и тотчасъ уѣзжалъ домой.

Отецъ рассказывалъ, что необузданный характеръ его друга много разъ ставилъ послѣдняго на край гибели. Еще въ бытность въ военной службѣ, Корсаковъ зашелъ какъ-то разъ слишкомъ далеко въ шуткѣ съ пріятелемъ, тоже военнымъ; тотъ обидѣлся и дѣло дошло почти до дуэли, но мой отецъ былъ настолько счастливъ, что сумѣлъ уговорить обиженнаго и помирить ихъ. Отецъ не разъ являлся, такимъ образомъ, его ангеломъ хранителемъ, выручая его изъ бѣды. Въ Голицынѣ случилось однажды весьма непріятное происшествіе, которое могло-бы весьма дурно кончиться для Григорія Александровича. Разсердясь, не помню за что, на какого-то татарина, онъ его такъ избилъ, что тотъ чуть было не умеръ. Прійдя въ себя, Корсаковъ понялъ всю безумную дикость своего поступка. Онъ послалъ за моимъ отцомъ и писалъ ему такъ, по-французски:

„Venez vite, je suis un malheureux“.

Мой отецъ поспѣшилъ къ нему, сталъ самъ ухаживать за татаринкомъ и успѣлъ поправить его, хотя не очень скоро. Вышедши къ татарамъ, которые собрались около дома и требовали отъ Григорія Александровича выдачи больнаго или убитаго татарина, отецъ успокоилъ ихъ, сказавъ, что онъ самъ ходитъ за нимъ. Хотя татары эти были другаго уѣзда, но они знали Тучкова, и спокойно оставили своего больнаго на попеченіи „Лексѣи Лексѣевича“, какъ они называли моего отца, и удалились изъ Голицына. Такъ это дѣло и уладилось.

Иногда на Григорія Александровича находила потребность учинить какую-нибудь чисто шевальерическую шалость. Однажды, въ Москвѣ, въ англійскомъ клубѣ, за обѣдомъ, онъ сказалъ сидѣвшему вправо отъ него пріятелю:

— „Бьюсь о закладъ, что у моего сосѣда слѣва фальшивыя